

ВАЛЕНТИН ЧЕРНЫХ:

Культура. — 2005. —
30 июня — 6 июля. — С. 1, 9

Я не раз смеялся от души во время просмотров...

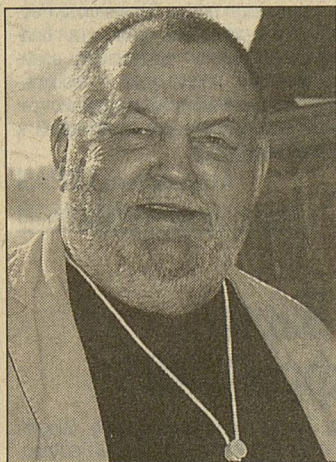
Валентин ЧЕРНЫХ — кинодраматург, за плечами которого два десятка фильмов — "Любовь земная", "Выйти замуж за капитана", "Москва слезам не верит", "Свои" ("Золотой Георгий" XXVI МКФ), "Дети Арбата"... В этом году он возглавлял жюри Московского международного кинофестиваля.

— В интервью накануне фестиваля вы заметили, что хорошее кино, как вино: едва пригубив, понимаешь, стоит его пить или лучше воздержаться. "Пригубливая" фильмы в качестве председателя жюри, вы ловили себя на мысли, что это "пить", пожалуй, и не стоит?

— Ловил, конечно, но не мог выйти из просмотрового зала — такая у меня работа, и поэтому смотрел абсолютно все конкурсные фильмы от начала до конца. Но должен заметить, что средний их уровень был достаточно высоким, особенно если сравнивать нынешний фестиваль с прошлогодним. И это, кстати, отмечают многие. Были, однако, и отдельные неудачи. К ним я бы отнес, например, фильм Дарко Митревски "Балканкан". Это очень грубая картина. Кое-кто из киноведов и критиков сравнивает ее с работами Кустурицы, но это на самом деле разжиженный, упрощенный, даже какой-то самодельный Кустурица. Я слышал, что ей предрекали что-то из призов, но жюри при первом же обсуждении однозначно отвергло ее.

— Как это нередко бывает, оценки критиков не совсем совпали с мнением жюри. Далеко не все приняли картину Алексея Учителя. Недоумение вызвало присуждение призов за лучшую мужскую и лучшую женскую роли. Были и другие варианты?

— Были. Одним из кандидатов на приз рассматривалась Сандра Чикарелли из итальянского фильма "Желанная жизнь", но потом все-таки победила болгарская актриса Весела Казакова из картины "Украденные глаза". Лично я был не в восторге от этого решения — мне больше по-

В. Черных

нравилась итальянка, но пришлось подчиниться большинству голосов. Обычно обсуждение происходило следующим образом: я выслушивал своих коллег, и мои два голоса создавали перевес той или иной стороне. Но в данном случае их не хватило.

— Чем очаровал вас Хамид Фаранеджад, по-моему, из не очень удачного иранского фильма "Левой, левой, левой!"?

— А по-моему, Казем Маасуми снял сильный фильм. Давно уже не показывали войну с такой жесткой правдивостью. Он, правда, практически телевизионный, вся первая часть безумно затянута до того момента, когда начинает проясняться история с фляжками. Поэтому у нас не шла речь о других призах для этой картины. Но вот актерского приза она вполне заслуживала. Фаранеджад отлично сыграл роль сержанта, который гибнет в финале. В нем привлекает трезвое, здравое, немного деревенское самосознание — в общем, народный характер. Между прочим, это было предложение женской части жюри, его очень отстаивала Клер Дени — режиссер из Франции.

— Многие ожидали, что награды не обойдут, по-моему, оригиналь-

ный и очень интересный фильм Петра Зеленки "Хроники обыкновенного безумия"...

— Да, мы обсуждали эту картину и отдали ей должное: это замечательная смесь Кафки и Гашека. Но в конце концов пришли к выводу, что это типично телевизионное кино, растянутое, с целым рядом недоделок и просчетов — несколькими финалами, в частности. Мы знали, что критики ее высоко оценили, и наши вкусы, кстати, не совпали не только по данному вопросу. Я считаю, что наши критики довольно пристрастны в своих оценках и, извините, довольно провинциальны. Они привыкли оценивать как бы с позиций 60-х годов. А кино ведь развивается, приходят новые идеи, новые силы... У нас, считаю, было очень профессиональное международное жюри, и картины, в том числе чешскую, мы оценивали действительно профессионально. Мы отметили, что Зеленка безусловно интересный мастер, что хороши актеры, но их работа не заслуживает высших оценок. А критики, наверное, просто поддались непосредственности, очарованию картины. Я сам не раз смеялся от души во время просмотра... Как это ни странно, критики, которые по долгу профессии должны были быть более строгими, более трезво и разумно оценивать картину, чем жюри, состоящее из профессиональных художников, оказались более эмоциональными.

— Коль заговорили о критиках... Многим из них "Дорогая Венди" Томаса Винтерберга, удостоенная приза за режиссуру, показалась искусственной, холодной, равнодушной работой, очевидной неудачей безусловно талантливого режиссера.

— И с этим я категорически не согласен. Это, по-моему, замечательное кино и по сценарной идее, и по ее реализации.

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

(Окончание на 9-й стр.)

Я не раз смеялся от души во время просмотров...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

– Решения фестивальных жюри принято связывать с личностями их председателей. В этом году, например, мои коллеги ругали Эммериха, который не смог в Берлине достойно оценить фильм Александра Сокурова “Солнце”. Так, в самом деле, многое ли зависит от председателя жюри?

– Зависит практически все. Первое, что я сделал, согласившись стать председателем, – взялся за изучение своих будущих коллег, включая не только их творчество, но и личные качества. С этой целью наводил справки у людей, которые с ними работали или просто общались. Поэтому я знал, от кого какие ждать мнения. Некое “дирижирование” членами жюри подобного рода конкурсов, а мне приходилось не раз быть председателем, происходит всегда, и если ты достаточно дипломатичен, то можешь добиться многого. Где-то уступал я, где-то они уступали. Это такая замечательная игра, где каждый лоббирует свои интересы.

– И вам, судя по вашему настроению, удалось их пролоббировать? – Мне удалось пролоббировать настоящее искусство, поддержать действительно талантливые работы, и это самое главное.

– Я слышал, что вы далеко не сразу согласились возглавить жюри Московского фестиваля. Почему? Ведь это так почетно...

– Просидеть почти две недели в душном зале, тратить время на бесконечные встречи и присутствия почетно? У меня договоры с кинокомпаниями, обязательства перед издательством, масса других забот; хочется, наконец, выехать за город... Я писатель, сценарист, и по большому счету все, что вне этого, мне чуждо. Мое место в зале, а не в президиуме. Но ко мне обратился Никита Михалков. Семь лет назад я был одним из тех, кто выдвигал его на должность председателя Союза кинематографистов. Я понимаю, что он много наколбасил, но не мог не поддержать его в таком нужном и благородном деле, как Московский международный фестиваль.

– Давайте теперь поговорим о фильме Алексея Учителя. Одни относят его чуть ли не к шедеврам, другие, напротив, считают неудачей. И мало кто верил, что он победит, по той простой причине, что,

дескать, негоже давать главный приз российской картине второй год подряд. Очень любопытно было бы услышать ваше мнение, узнать о мнениях ваших коллег по жюри.

– И сам Учитель, давая кому-то интервью, полагал, что путь в победители для него закрыт. Моя позиция такова: я гражданин России, я живу в России, и если мой коллега создал что-то действительно значительное, то мой долг поддержать его. И пусть это будет хоть пятая подряд победа российского кино. Почему мы должны придерживаться местечкового “этикета” в отношении иностранцев? Раньше, при коммунистах, один из главных призов обязательно отдавали советской картине. Теперь, значит, должны бросаться в другую крайность? Да глупость это! Критерий может быть и должен быть один: качество кино.

После торжественной церемонии ко мне подошел один известный критик и сказал, что его удивило наше решение присудить главную награду Учителю. Я ему говорю: назовите другую картину, которая была бы такой вот масштабной, талантливой, так интересно снятой? Да, она неровная. Я считаю, что не нужно было в конце выводить реального Ягарина. Нужно было поставить точку в вагоне, и это был бы отличный финал. Такое вот присобачивание “реалистической” концовки пошло от Учителя-документалиста. Но это отнюдь не перечеркивает достоинства картины. И вот что поражает. Все мы – члены жюри – представители примерно одного поколения. Я постарше, другие помоложе, и все мы, оказывается, прекрасно помним те времена: наш прорыв в космос, спутник, Ягарина... Я не знал, каким будет расклад по этому фильму, меня тревожило, что его не поймут мои коллеги, не воспримут, отдадут предпочтение двум другим главным кандидатам на победу – “Дорогой Венди” или безусловно сильному фильму финского режиссера Аку Лоухимиеса “Вечная мерзлота”. И потому мне было чрезвычайно приятно услышать от Клер Дени и от венгерского оператора Яноша Кенде, что “Золотого Георгия” в первую очередь заслуживает “Космос как предчувствие”. Их поддержали другие члены жюри, и картина Учителя единогласно была признана лучшей. Все остальные решения принимались

большинством в один голос.

Да, повторяю, картина неровная, но она очень незаурядная. Я вижу, как Учитель растет от картины к картине, набирает режиссерскую мускулатуру. И то, что он выбрал сценарий Александра Миндадзе – пожалуй, самого глубокого и самого профессионального на нынешний день российского кинодраматурга, – его удача и его заслуга. Разве что Юрия Арабова, который помладше, можно поставить рядом с Миндадзе. Именно такая драматургия – серьезная, основательная – нужна сейчас Учителю. Нельзя не отметить и изобразительный ряд картины. У Московского фестиваля есть два серьезных недостатка. Первый: нет приза за сценарий. И второй: нет приза за операторское мастерство. Работа Юрия Клименко, может быть, самая сильная сторона картины.

– Говорят, вы сейчас работаете над сценарием фильма о Ягарине. В какой степени он перекликается с работой Алексея Учителя?

– Фильм о Ягарине мне интересен тем, что он о моем времени и отчасти обо мне. Ягарин старше меня всего на один год. Он провел детство в смоленской деревне, я – в псковской, а затем в маленьких поселках. Прекрасно знаю, как формировалось мое поколение, как оно рвалось из деревни, где, по сути, еще существовало крепостное право – люди не имели паспортов, как оно рвалось в военные училища. Люди в деревнях нищенствовали, ботинки были редкостью, а тут бесплатно одежали, обували, давали образование. Изучая документы о Ягарине, я пришел к выводу, что его выбрали абсолютно случайно. Это не кукла, которую посадили в корабль и отправили в космос, – это Личность, это человек поразительной целеустремленности. С 15 лет он не сделал ни единой ошибки, идя к поставленной перед собой цели. Он не был противоречивой фигурой, он был человеком жестким и порой даже жестоким, несмотря на всю свою улыбку и лидерские качества. Его многие любили, но многие и не любили. Я убежден, что страшно не повезло стране, что он погиб в 34 года. У него были все данные, чтобы стать крупным политическим деятелем. Люди, которые остановили на нем свой выбор, проявили поразительное чутье... Трудно сейчас говорить о стилистике моей буду-

щей картины, поскольку еще неизвестен режиссер и работа над сценарием в разгаре – к сентябрю я должен его закончить. Но, думаю, это будет сделанный в реалистической манере рассказ о реальной личности – в отличие от фильма Учителя, где во главу угла поставлены эмоции, настроение, подтекст.

– Вы известны как авторитетный и удачливый кинодраматург. В конкурсной программе вас порадовали новые сценарные идеи и то, как они были реализованы?

– Почти в каждой картине был какой-то сценарный изыск. И я для себя как руководитель сценарной мастерской во ВГИКе сделал определенные выводы: хочу попросить записать на видео все конкурсные фильмы, чтобы потом показывать их в учебных целях студентам. Наши сценаристы, к сожалению, зачастую мыслят куда более стандартно и менее интересно. И то, что не все фильмы удалось, вопрос не качества сценариев, а их реализации.

– На фестивале большой успех имела российская программа – вместительный зал Дома кино почти всегда был переполнен. Но знаете, что бросилось в глаза? Многие фильмы выглядели просто беспомощными в плане драматургии. Вы с этим согласны?

– Да, это один из самых больных вопросов. Профессия драматурга предполагает долгое созревание, где-то к 40 “вино” набирает букет. Бернард Шоу первые свои более-менее приличные пьесы написал в 43 – 44 года. Сейчас мы пожинаем плоды кризиса, когда люди сплошь и рядом уходят из кино. И если с режиссерами и представителями других кинематографических профессий дела обстоят не так уж и плохо – их проще, быстрее готовить, то с кинодраматургами облом. Этим объясняется и то, что люди куда более охотно идут в режиссеры, чем в сценаристы. Режиссеры менее зависимы, у них больше шансов пробиться на экран, войти в “обойму”. В общем, здесь комплекс проблем. Сценаристов нужно выращивать долго и в соответствующих условиях.

– Ваше “долго” не вяжется с тем, что мы имеем в действительности: на сценарный факультет ВГИКа принимают со школьной скамьи...

– Вы правы, вчерашнего школьника можно научить технологии сценар-

ного дела, если он литературно одаренный, но невозможно сделать его сценаристом. Наши студенты, как правило, уже к третьему курсу не знают, о чем писать. У них нет ни базы, ни жизненного опыта. Не хочется себя ставить в пример, но я поступил во ВГИК в 26 лет, прослужив три года в армии и поработав на нескольких заводах и в трех газетах. Заочное отделение – не выход из положения. А на дневное вынуждены принимать совсем еще зеленую молодежь – так нам предписано. Каждая мастерская выдает в лучшем случае одного-двух сценаристов, а нередко и ни одного, хотя отбираешь очень тщательно. Это как с футболистами: не можем мы играть в футбол. Страна огромная, а игроков хороших нет. Почему? Потому что нет условий для их выращивания.

– Как вы расцениваете нынешнее состояние отечественного кино? Одни считают, что оно на подъеме, другие, напротив, полагают, что его “повело не туда”...

– Я считаю, что на подъеме. А что значит “не туда”? При любом раскладе – “туда”.

– Я имею в виду коммерциализацию, американизацию...

– Это все, как шелуха, отлетит. Человека, который познает первый успех в кино, особенно деньгами и не заманишь, успех, признание послаще, чем деньги.

– Вы говорите о подъеме, а действительно качественных фильмов у нас раз-два и обчелся. А откровенная халтура или просто непрофессионально сделанное кино идет сплошным потоком...

– Все дело в продюсерах. Сформировался класс продюсеров, которые умеют находить деньги, – люди хваткие, контактные, но обладающие чудовищным вкусом, переполненные злобной энергией. Понимаете, когда целому ряду идиотов дают возможность реализовывать на экране свои ничтожные замыслы, подбирая и подминая под себя сценаристов, режиссеров и актеров, мы имеем то, что имеем. Но все это, безусловно, не может продолжаться бесконечно – в конце концов законы рынка заработают, и тех, кто называет себя ныне продюсерами, сменит поколение настоящих профессионалов.

Беседу вел
Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ